

Научная статья
УДК 1:[2+001]
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.33>

К аспекту философской мысли о соотношении религии и науки в России

Ирина Валерьевна Хвощевская¹, Татьяна Сергеевна Федько²

¹Центр опережающей профессиональной подготовки, Великий Новгород, Россия, rosfarm@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5130-5486>

²Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия, tanyafedko@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения религии и культуры в России с позиции философии. Вектор исследования затрагивает высказывания ряда ученых о том, что другие нации и народы должны приветствовать пример православных славян как племени, которое никогда не знало конфликта между верой и разумом, и ведет к более детальному анализу религиозных и культурных особенностей России, культурной специфики нашей страны, отличной от таковой большинства стран мира. Значимость работы обусловлена масштабной демонстрацией того, что наука и православное христианство лишь отчасти связаны с философскими и богословскими противоречиями в православной среде, а также тем, что религия и наука, будучи составными частями общечеловеческой культуры, безусловно, имеют точки соприкосновения в разных сферах и в рамках конкретных ретроспектив оказывали взаимное воздействие. Однако на сегодняшний день в современном культурном обществе это влияние существенно ослаблено.

Ключевые слова: самобытность, мировая культура, философское исследование, религия, христианство, славянская культура

Для цитирования: Хвощевская И.В., Федько Т.С. К аспекту философской мысли о соотношении религии и науки в России // Общество: философия, история, культура. 2022. № 3. С. 197–201. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.33>.

Original article

On the aspect of philosophical thought regarding the correlation of religion and science in Russia

Irina V. Khvoshchevskaya¹, Tatyana S. Fedko²

¹Advanced Vocational Training Centre, Veliky Novgorod, Russia, rosfarm@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5130-5486>

²Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia, tanyafedko@yandex.ru

Abstract. The article examines the problem of the correlation between religion and culture in Russia from a philosophical approach. The vector of the study touches on the statements by a number of scholars that other nations and peoples should welcome the example of the Orthodox Slavs as a tribe that has never known conflict between faith and reason, and leads to a more detailed analysis of the religious and cultural particularities of Russia, the cultural specificity of our country which differs significantly from that of most countries in the world. The significance of the work is due to the large-scale demonstration that science and Orthodox Christianity are only partly related to the philosophical and theological controversies in the Orthodox environment, as well as the fact that religion and science, as constituent parts of universal culture, certainly have points of contact in different spheres and have had mutual impact in specific retrospect. However, in today's cultural society this influence has been significantly weakened.

Keywords: identity, world culture, philosophical study, religion, Christianity, Slavic culture

For citation: Khvoshchevskaya, I.V. & Fedko, T.S. (2022) On the aspect of philosophical thought regarding the correlation of religion and science in Russia. *Society: Philosophy, History, Culture.* (3), 197–201. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.3.33](https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.33) (In Russian).

Проблема соотношения философии и культуры в России всегда привлекала большое количество исследователей. Так, церковный историк и протоиерей А.М. Иванцов-Платонов в 1867 г. на Славянском съезде в Москве утверждал: «Для племени славян с начала его христианской истории вера и наука дружно шли вместе в тесном союзе, не стесняя, а взаимно укрепляя

друг друга. <...> Первые столпы веры были и первыми научными деятелями»¹. Он имел в виду не естествоиспытателей, а святых Кирилла и Мефодия, которые в IX в. изобрели глаголицу.

В начале второго тысячелетия византийская административная и интеллектуальная жизнь формировалась в Киевской Руси, но в 1448 г. Русская православная церковь фактически заявила об автокефальном статусе, когда поставила нового митрополита без одобрения Константинополя, находившегося в то время под угрозой со стороны османов. В отличие от латинского Запада становление идентичности политических и религиозных общин предполагалось намного позже. Как подчеркивал Е. Николаидис, греческие знания оставались центральным элементом интеллектуальной жизни ранних москвичей (2011: 140–150)².

К концу XVII в. латинская традиция также способствовала усилению интеллектуального брожения в семинариях в Киеве и Москве. В медицине и фармации московский двор содействовал сложным взаимодействиям с Европой (Griffin, 2011).

В поколении, предшествовавшем вступлению на престол молодого Петра I в 1689 г., раздробление церковной иерархии в результате ожесточенных богословских и литургических споров в итоге позволило ему стать не только царем, но и действительным главой Церкви. Известно, что Петр проявлял интерес к миру в целом, чего не наблюдалось со стороны предыдущих московских правителей. Факты свидетельствуют о том, что он стремился к церковным реформам, но опирался на приобретенное идиосинкразическое понимание лютеранской церкви в Северной Европе (Collis, 2012).

Самым известным союзником Петра был Феофан Прокопович, хорошо разбиравшийся в польских, итальянских и немецких богословских работах. Они оба находили аспекты пиетизма привлекательными. Феофан Прокопович являлся значимым покровителем Академии наук после смерти Петра в 1725 г., а позже считался основателем научной апологетики (Collis, 2012). Однако постоянное соперничество вокруг престола при преемниках Петра оставляло мало места церковным и научным учреждениям для развития автономии или продуктивных институциональных взаимодействий.

Духовное положение 1721 г., как и проект Академии наук 1724 г., следует трактовать как эклектичные русские варианты просвещенного абсолютизма, понимаемые как лейбницианские «коллегии» в бюрократическом смысле. Действительно, Священный синод и Академия наук со временем стали зеркальным отражением друг друга, поскольку научились выступать перед государственными властями единым фронтом, опасаясь, что любые внутренние разногласия будут урегулированы только в суде. Это также имело давние дисциплинарные последствия, потому что новый университет, подчиняющийся академии, должен был включать право, медицину и философию, но не богословие³.

В этом квазикамералистском контексте философия России XVIII и начала XIX в. пыталась служить для ряда предметов точкой интеграции с понятием божественного порядка. Новые университеты начала XIX в. также не могли оказать большой помощи натурфилософии, поскольку они были учреждены с отдельными факультетами, объединяющими физиологические, химические, минералогические, физические и математические предметы. Эти университеты с самого начала были интернациональными, а Французская революция и Наполеоновские войны привели аристократических русских православных представителей Просвещения к контактам с немецкоязычными католиками в эмиграции, чья роль в формировании этой новой интеллектуальной среды недостаточно изучена.

Опытные русские естествоиспытатели, считавшие свою работу свидетельством непрекращающегося Провидения, могли с готовностью принять И. Канта и особенно Ф. Шеллинга как источник вдохновения для натурфилософии, выходящей за рамки камералистской полезности, но они сделали это, не понимая спорного богословского контекста, в котором оказались немецкие философы.

Философы в 1820-е гг. терпели множество унижений от рук министерских властей, тогда как ученые (естествоиспытатели), такие как М. А. Максимович и М.Г. Павлов, были в значительной степени свободны в распространении натурфилософии на своих условиях⁴.

¹ Иванцов-Платонов А.М. Речь от Общества любителей духовного просвещения // Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867. С. 308.

² Готовящаяся к выходу книга Н. Хриссидиса о греческих ученых и иезуитском образовании в России раннего Нового времени, несомненно, расширит наши перспективы.

³ Введенский А.И. Судьбы философии в России. М., 1898. С. 9, 12–38.

⁴ Максимович М.А.: 1) Размышления о природе : 2-е изд. Киев, 1847. 159 с. ; 2) Рецензия на Павлова, «Основания физики» // Северная пчела. 1883. 14 сент. Вып. 207. С. 825–828.

Австрийский математик-эмигрант Н.Д. Брашман (1796–1866) считал науку более зрелой, чем философия, а математику – пропедевтической для правильного суждения, призывая ученых делать свой выбор в пользу философии с учетом православных ценностей¹.

Историк-провиденциалист С. Соловьев (1820–1879) никогда не сомневался в гармонии между (позитивистской исторической) наукой и религией. Возможно, он сделал больше, чем любой другой ученый, чтобы проложить путь светскому пониманию прогресса, найденному у Г.Т. Бокля, пользовавшегося огромной популярностью в России².

Мало кто из естествоиспытателей во второй половине XIX в. занимался вопросом об отношениях между наукой и (православным) христианством, в период, когда «индифферентизм» вошел в русский лексикон. Однако другие ученые считали, что у них есть равные основания для взвешивания. По выражению петербургского семинариста Н.П. Рождественского, даже высокомерные рационалисты признавали, что православная церковь никогда не была враждебна науке, но он имел в виду утверждение о достоверности богословия по отношению к другим дисциплинам: «Если теология не может взять на себя обучение физиологов, химиков, геологов или ботаников, то, с другой стороны, естествознание не может претендовать на понимание и толкование Священного Писания»³.

Его беспокоила не столько значимость работы какого-либо ученого о православной вере, сколько торопливость, с которой либеральные богословы привязывали свои повозки к последнему слову науки, не обращая внимания на мимолетность многих научных теорий. Для него никакая наука, отвечающая своему истинному назначению, не может быть антирелигиозной, хотя он сознавал относительную близость и интересовался в первую очередь отношением между «науками» богословия и философии⁴.

Спустя годы после «Истории интеллектуального развития Европы» Дж. Дрейпера⁵ в России было опубликовано несколько работ по смежным темам, но ни одной работы естествоиспытателей.

Граф П.А. Валуев, бывший министром внутренних дел и разочарованным реформатором, написал в 1886 г. брошюру о религии и науке, взяв за основу образ конфликта только для того, чтобы возразить против него⁶.

Выдающийся либеральный ученый-правовед Б. Чичерин в 1879 г. выступил с большим томом о науке и религии, но его метафизические размышления были в значительной степени встречены с пренебрежением во всем политическом спектре⁷.

Н.П. Рождественский как наиболее компетентный практик апологетики чаще привлекал в качестве собеседников филологов и антропологов наряду с А. Шопенгауэром или Э. Гартманом. Российские религиоведы, участвовавшие в дебатах, регулярно упоминали имена современных ученых как положительных участников, от М. Фарадея и Ю. Либиха до Л. Пастера и Р. Вирхова, но единственным русским был хирург и педагог-реформатор Н. Пирогов⁸.

В тот период даже консервативный московский физик Н.А. Любимов, порицаемый за враждебное отношение к университетским реформам, воспринятое современное повествование о суде над Галилеем как триумф «нового мировоззрения». В остальном его не интересовали никакие православные апологетические рамки современной науки.

Научно-религиозная проблематика не совсем отсутствует, а скорее имеет место в ином регистре в дореволюционной России. Относительно плоский и недифференцированный дисциплинарный ландшафт изначально сочетался с живой и разнообразной издательской средой «толстых журналов», что мешало академическому ученому торговать различиями между специализированной и популярной аудиториями. Не было надежного способа сослаться на публичный

¹ Брашман Н.Д. О влиянии математических наук на развитие умственных способностей: речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского университета : 1841 г. 17 июня. М., 1841. 31 с.

² Бокль Г.Т. История цивилизаций. История цивилизации в Англии : в 2 т. М., 2000–2002.

³ Рождественский Н.П. Христианская апологетика: курс основного богословия : 2-е изд. : в 2 т. СПб., 1893. Т. 1. С. 157.

⁴ Там же.

⁵ Draper J.W. History of the intellectual development of Europe : 5th ed. N. Y., 1874. 440 p. ; Дрейпер Дж.У. История отношений между католицизмом и наукой / пер. с англ. под ред. А.Н. Пыпина. СПб., 1876. 353 с. В царской Варшаве польский перевод 1882 г., в свою очередь, был изменен на заголовок «История отношений между верой и разумом».

⁶ Валуев П.А. Современные задачи : в 2 т. Т. 1. Религия и наука. М., 1886. 76 с.

⁷ Чичерин Б.Н. Наука и религия. М., 1879. 523 с.

⁸ Глаголев С.С. Об отношении философии и естественных наук к науке введения в богословие // Богословский вестник. 1892. Т. 3, № 12. С. 370–390 ; Гусев А.Ф. Христианство в его отношении к философии и науке. М., 1885. 100 с. ; Светлов П.Я. Религия и наука. СПб., 1914. 173 с. ; Страхов П.С. Богословие и естествознание (к вопросу о задачах естественно-научной апологетики) // Богословский вестник. 1908. Т. 1, № 2. С. 257–286.

авторитет науки, когда на кону стояли и вопросы веры, даже если протагонисты в значительной степени разделяли общие предпосылки.

В русской мысли столь же мощной стала противоположная крайность, когда религиозное знание было лишь частным проявлением универсальной философии. Величайший русский философ В.С. Соловьев обучался морфологии растений и сравнительной анатомии, он был тем редким русским студентом, который погрузился в академическую философию, чтобы достичь более глубокого понимания этих дисциплин. Еще в «Критике абстрактных принципов» (1880 г.) он стремился поставить теологию во внутреннюю связь с философией и наукой и таким образом организовать всю область истинного знания в полную систему свободной и научной теософии¹.

Стремление В.С. Соловьева возвысить знание за счет веры действительно отдалило его от православного течения, но его гностические наклонности были далеко не чужды многим его современникам. В ограниченном смысле можно сказать, что В.С. Соловьев участвовал в научно-религиозном дискурсе, обновляя Ф. Шеллинга и реинтегрируя (позитивное) эмпирическое знание и (абстрактное) рациональное знание на уровне имманентного коллективного сознания.

Религиозное возрождение в России в конце века еще больше усложняет эту картину, не в последнюю очередь потому, что российские ученые пересмотрели европейские концепции востоковедения посредством собственных исследований ислама, буддизма и местных практик многих культур империи. Хотя религиозные практики, о которых идет речь, обычно не были православными, а царская политика даже после революции 1905 г. оставляла мало места для гражданского общества, востоковедение подпитывало период синкретических экспериментов, которые способствовали возникновению современного дискурса о религии как частной жизни, а не публичной.

Внутри монашеских орденов определенные круги начали агитировать, хотя и без особого успеха, за дистанцирование Святейшего синода от государства. Имябожное движение, исследованное Л. Грэмом и Ж.-М. Кантором (Graham, Kantor, 2009) в связи с религиозной чувствительностью математика Д. Егорова, представляет собой важную точку входа в более широкую проблему модернизации среди православной интеллектуальной элиты.

На уровне антропологических практик мы видим пространство для дальнейшего исследования того, как естествоиспытатели, преодолевшие революционный раскол, могли принять религиозное равнодушие или атеизм в качестве элементов своей профессиональной идентичности. Тем не менее необходимо позаботиться о том, чтобы не использовать антирелигиозность как потенциальный маркер новых социальных отношений науки в рамках мертоновской науки против идеологии.

Трудная линия исследования, которая начинается со сталинского отступления к автаркии и возвышения диалектического материализма и лысенковского волюнтаризма до квазирелигиозного статуса, скорее всего принесет плоды только в том случае, если будет направлена на понимание того, как последующие поколения советских и постсоветских ученых вплотную занимались наследием коммунизма. Также нужно учитывать, что радикально асимметричная советизация науки и религии влияет на их понимание как относительного упадка научных институтов сегодня, так и возвращения православных институтов в российскую интеллектуальную жизнь.

В 2012 г. Иларион, митрополит Волоколамский, был назначен заведующим теологической кафедрой в Московском инженерно-физическом институте (МИФИ), специально созданной в национальном исследовательском университете ядерной физики. Опытный ученый с безупречным международным авторитетом, Иларион восхищается своими экуменическими усилиями, а не каким-либо профессиональным участием в естественных науках. Повестка дня Илариона двойственна: сделать богословские факультеты нормальной частью современного российского университета и поднять знания среднего студента о православии. Несмотря на готовые фразы о пользе ученого с теологической точки зрения, Иларион не ведет диалога между наукой и религией на высшем уровне. Его заместитель, отец Родион, ранее работал в области физики конденсированных сред, но после получения распоряжения от церковных иерархов проявил большой интерес к ранней современной церковной истории. Эти православные ученые не столько бросают вызов современным ученым, сколько возвращаются к знакомой дилемме: независимо от того, подходим ли мы к науке и русскому православию в конфликтных, гармонических или изолированных способах анализа, мы должны быть готовы признать, что большую часть времени мы по-прежнему остаемся на общем уровне христианской религии, а не требуем каких-либо особых состязательных позиций на доктринальном уровне или конфессиональном уровне.

Таким образом, наука и православное христианство лишь частично связаны с характерными философскими и богословскими противоречиями в православной среде. Отчасти это косвенное выражение более общей проблемы философии: что первично? Религия и наука, будучи

¹ Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Сочинения : в 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 581–756.

элементами общечеловеческой культуры, безусловно, имеют точки соприкосновения, которые в рамках исторических ретроспектив влияли друг на друга.

На сегодняшний день современное православие и наука не имеют общих точек пересечения и противопоставляются друг другу. Фактически философские исследования в этом направлении полностью утратили общественную значимость, что в итоге ведет к потере истинного понимания соотношения этих важных человеческих сфер деятельности – науки и религии.

Список источников:

Collis R. The Petrine instauration: Religion, esotericism and science at the court of Peter the Great, 1689–1725. Leiden; Boston, 2012. 576 p.

Graham L., Kantor J.-M. Naming infinity. A true story of religious mysticism and mathematical creativity. Cambridge, 2009. 256 p.

Griffin C. Russia and early modern European medicine // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2011. Vol. 12, no. 4. P. 967–981. <https://doi.org/10.1353/kri.2011.0048>.

Nicolaidis E. Science and Eastern orthodoxy: From the Greek Fathers to the age of globalization. Baltimore, 2011. 288 p.

References:

Collis, R. (2012) The Petrine instauration: Religion, esotericism and science at the Court of Peter the Great, 1689–1725. Leiden, Boston, Brill.

Graham, L. & Kantor, J.-M. (2009) Naming infinity. A true story of religious mysticism and mathematical creativity. Cambridge, Belknap Press.

Griffin, C. (2011) Russia and early modern European medicine. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 12 (4), 967–981. Available from: doi:10.1353/kri.2011.0048.

Nicolaidis, E. (2011) Science and Eastern orthodoxy: From the Greek Fathers to the age of globalization. Baltimore, John Hopkins University Press.

Информация об авторах

И.В. Хвощевская – Центр опережающей профессиональной подготовки, Великий Новгород, Россия.

Т.С. Федько – Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия.

Information about the authors

I.V. Khvoshchevskya – Advanced Vocational Training Centre, Veliky Novgorod, Russia.

T.S. Fedko – Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 09.02.2022;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.03.2022;

Принята к публикации / Accepted for publication 15.03.2022.